

Приключение / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Приключение / рассказ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Перед глазами Дванова, привыкшими к далеким горизонтам, открылась узкая долина какой-то древней, давно осохшей реки. Долину занимала слобода Петропавловка – огромное стадо голодных дворов, сбившихся на тесном водопое.

На улице Петропавловки Дванов увидел валуны, занесенные сюда когда-то ледниками. Валунные камни теперь лежали у хат и служили сиденьем для задумчивых стариков.

Эти камни Дванов вспомнил, когда сидел в Петропавловском сельсовете. Он зашел туда, чтобы ему дали ночлег и чтобы написать статью в губернскую газету. Дванов написал, что природа не творит обыкновенного, поэтому у нее выходит хорошо. Но у природы нет дара, она берет терпением. Из редких степных балок, из глубоких грунтов надо дать воду в высокую степь, чтобы основать в степи социализм. Охотясь за водой, сообщал Дванов, мы одновременно попадем в цель своего сердца – нас поймут и полюбят равнодушные крестьяне, потому что любовь не подарок, а строительство.

Дванов умел интимное соединять с общественным, чтобы сохранить в себе влечение к общественному.

Дванова начала мучить уверенность, что он уже знает, как создать социалистический мир в степи, а ничего еще не исполняется. Он не мог долго выносить провала между истиной и действительностью. У него голова сидела на теплой шее, и что думала голова, то немедленно превращалось в шаги, в ручной труд и в поведение. Дванов чувствовал свое сознание, как голод, – от него не отречешься и его не забудешь.

В подводе Совет отказал, и мужик, которого все в Петропавловке звали богом, указал Дванову дорогу на слободу Каверино, откуда до железной дороги двадцать верст.

В полдень Дванов вышел на нагорную дорогу. Ниже лежала сумрачная Долина тихой степной реки. Но видно было, что река

умирала: ее пересыпали овражные выносы, и она не столько текла, сколько расплывалась болотами. Над болотами стояла осенняя тоска. Рыбы спустились ко дну, птицы улетели, насекомые замерли в щелях омертвелой осоки. Живые твари любили тепло и Раздражающий свет солнца, их торжественный звон сжался в низких норах и замедлился в шепот.

Дванов верил в возможность подслушать и собрать в природе все самое звучное, печальное и торжествующее, чтобы сделать песни – мощные, как естественные силы, и влекущие, как ветер. В этой глуши Дванов разговорился сам с собой. Он любил беседовать один в открытых местах. Беседовать самому с собой – это искусство, беседовать с другими лицами – забава. Оттого человек идет в общество, в забаву, как вода по склону.

Дванов сделал головой полукруг и оглядел половину видимого мира. И вновь заговорил, чтобы думать:

«Природа – основа дела. Эти воспетые пригорки и ручейки – не только полевая поэзия. Ими можно поить почву, коров и людей и двигать моторы».

В виду дымов села Каверино дорога пошла над оврагом. В овраге воздух сгущался в тьму. Там существовали какие-то молчаливые трясины и, быть может, ютились странные люди, отошедшие от разнообразия жизни для однообразия задумчивости.

Из глубины оврага послышалось сопенье усталых лошадей. Ехали какие-то люди, и кони их вязли в глине.

Молодой отважный голос запел впереди конного отряда.

Есть в далекой стране.

На другом берегу,

Что нам снится во сне.

Но досталось врагу...

Шаг коней выправился. Отряд хором перекрыл переднего певца, но по-своему и другим напевом.

Кройся, яблочко.

Спелым золотом.

Тебя срежет Совет

Серпом-молотом...

Одинокий певец продолжал в разлад с отрядом:

Вот мой меч и душа,

А там счастье мое...

Отряд смял припевом конец куплета:

Эх, яблочко.

Задушевное,

Ты в паек попадешь,—

Будешь прелое...

Ты на дереве растешь

И дереву кстати,

А в Совет попадешь

С номером-печатью...

Люди враз засвистали и кончили песню напропалую:

И-эх, яблочко.

Ты держи свободу:

Ни Советам, ни царям,

А всему народу...

Песня стихла. Дванов остановился, интересуясь шествием в овраге.

— Эй, верхний человек! — крикнули Дванову из отряда. — Слазь к безначальному народу!

Дванов оставался на месте.

— Ходи быстро! — звучно сказал один густым голосом, вероятно, тот, что запевал. — А то считай до половины — и садись на мушку!

Дванов не сообразил, что ему надо делать, и ответил, что хотел:

— Выезжайте сами сюда — тут суше! Чего лошадей по оврагу морите, кулацкая гвардия!

Отряд внизу остановился.

— Никиток, делай его насквозь! — приказал густой голос.

Никиток приложил винтовку, но сначала, за счет бога, разрядил свой угнетенный дух:

— По мошонке Иисуса Христа, по ребру богородицы и по всему христианскому поколению — пли!

Дванов увидел вспышку напряженного беззвучного огня и покатился с бровки оврага на дно, будто сбитый ломом по ноге. Он не потерял ясного сознания и, когда катился вниз, слышал страшный шум в земле, к которой на ходу прикладывались

поочередно его уши. Дванов знал, что он ранен в правую ногу – туда впилась железная птица и шевелилась колкими остьями крыльев.

В овраге Дванов схватил теплую ногу лошади, и ему стало нестрашно у этой ноги. Нога тихо дрожала от усталости и пахла потом и травой пройденных дорог.

– Страхуй его, Никиток, от огня жизни! Одежда твоя.

Дванов услышал. Он впился в ногу коня обеими руками, нога превратилась в напирющее живое тело. У Дванова сердце поднялось к горлу, он вскрикнул в беспамятстве того ощущения, когда жизнь из сердца переселяется на кожу, и сразу почувствовал облегчающий, удовлетворительный покой. Природа не упустила взять от Дванова то, зачем он был создан: семя размножения. В свою последнюю пору, обнимая почву и коня, Дванов в первый раз узнал гулкую страсть жизни и удивился ничтожеству мысли перед этой птице бессмертия, коснувшейся его обветренным трепещущим крылом.

Подошел Никиток и попробовал Дванова за лоб: тепел ли он еще? Рука была большая и горячая. Дванову не хотелось; чтобы эта рука скоро оторвалась от него, и он положил на нее свою ласкающую ладонь. Но Дванов знал, что проверял Никиток, и помог ему:

– Бей в голову, Никита. Расклинивай череп скорей!

Никита не был похож на свою руку – это уловил Дванов, – он вскрикнул тонким паршивым голосом, без соответствия покою жизни, хранившемуся в его руке.

– Ай ты цел? Я тебя не расклиню, а разошью: зачем тебе сразу помирать – ай ты не человек? Помучайся, полежи – спрохвала помрешь прочней!

Подошли ноги лошади вождя. Густой голос резко осадил Никитка:

– Если ты, сволочь, будешь еще издеваться над человеком, я тебя самого в могилу вошью. Сказано – кончай, одежда твоя. Сколько раз я тебе говорил, что отряд не банда, а анархия!

– Мать жизни, свободы и порядка! – сказал лежащий Дванов. – Как ваша фамилия?

Вождь засмеялся.

– А тебе сейчас не все равно? Мрачинский!

Дванов забыл про смерть. Он читал «Приключения современного Агасфера» Мрачинского.

– Вы писатель! Я читал вашу книгу. Мне все равно, только книга ваша мне нравилась.

– Да пусть он сам обнажается! Что с ядохлым буду возиться – его тогда не повернешь! – соскучился ждать Никита. – Одежда на нем в талию, всю порвешь, и прибýtка не останется.

Дванов начал раздеваться сам, чтобы не ввести Никиту в убыток: мертвого действительно без порчи платья не разденешь. Правая нога заостенела и не слушалась поворотов, но болеть перестала. Никита заметил и товарищески помогал.

– Тут, что ли, я тебя тронул? – спросил он, бережно взяв ногу Дванова.

– Тут, – сказал Дванов.

– Ну, ничего, – кость цела, а рану салом затянет, ты парень не старýй. Родители-то у тебя останутся?

– Останутся, – ответил Дванов.

– Пуцай остаются, – говорил Никита. – Поскучают и забудут. Родителям только теперь и поскучаться! Ты – коммунист, что ль?

– Коммунист.

– Дело твое: всякому царства хочется!

Вождь молча наблюдал. Остальные анархисты возились у коней и закуривали, не обращая внимания на Дванова и Никиту. Последний сумеречный свет погас над оврагом, – наступила очередная ночь.

– Так вам понравилась моя книга? – спросил вождь.

Дванов был уже без плаща и без штанов. Никита клал их в свой мешок.

– Я уже сказал, что да, – подтвердил Дванов и посмотрел на преющую рану на ноге.

– А сами-то вы сочувствуете идее книги – вечному анархизму, так сказать, бродячей душе человека? – допытывался вождь.

– Нет, – заявил Дванов. – Идея там чепуховая, но написана книга сильно. Так бывает. Вы там глядели на человека, как обезьяна на Робинзона: понимали все наоборот, и вышло замечательно.

Вождь от удивления привстал на седле:

– Это интересно... Никиток, мы возьмем коммуниста до Лиманного

хутора, там его получишь сполна.

– А одёжа? – огорчился Никита.

Помирился Дванов с Никитой на том, что согласился доживать голым.

Вождь не возражал и ограничился указанием Никите:

– Смотри, не испортишь мне его на ветру! Это – большевистский интеллигент, редкий тип!

Отряд тронулся. Дванов схватился за стремя лошади Никиты и старался идти на одной левой ноге. Правая нога сама не болела, но если наступить ею, то она чувствует снова выстрел и железные остья внутри.

Овраг шел в глубь степи, суживался и поднимался. Тянуло ночным ветром, голый Дванов усердно подскакивал на одной ноге, и это его грело.

Никита хозяйственно перебирал белье Дванова на седле.

– Обмочился, дьявол! – сказал без злобы Никита. – Смотрю я на вас: прямо как дети малые! Ни одного у меня чистого не было: все моментально, хоть в сортир их сначала посылай... Только один был хороший мужик – комиссар волостной: бей, говорит, огарок, прощайте, партия и дети. У того белье осталось чистым. Вразумительный мужик!

Дванов представил себе этого вразумительного мужика и сказал Никите:

– Скоро вас расстреливать будут – со всем, с одеждой и бельем. Мы с покойников не одеваемся.

Никита не обиделся.

А ты скачи, скачи знай! Балакать тебе время не пришло. Я, брат, подштанников не попорчу, из меня не высосешь.

– Я глядеть не буду, – успокоил Дванов Никиту. – А замечу – так не осужу.

– Да я и не осуждаю, – смутился Никита. – Мне что? Мне товар дорог.

До Лиманного хутора добрали часа через два. Пока анархисты ходили говорить с хозяевами, Дванов дрожал на ветру и прикладывался грудью к лошади, чтобы согреться. Потом стали разводиться лошадей, а Дванова оставили одного. Никита, уводя лошадь, сказал ему:

– Девайся, куда сам знаешь. На одной ноге не ускачешь.

Дванов подумал скрыться, но сел на землю от немоци в теле и заплакал в деревенской тьме. Хутор совсем затих, бандиты расселились и легли спать. Дванов дополз до сарая и залег там в просяную солому. Всю ночь он видел сны, которые переживаешь глубже жизни и поэтому не запоминаешь. Проснулся он в тишине долгой устоявшейся ночи, когда, по легенде, дети растут. В глазах Дванова стояли слезы от плача во сне. Он вспомнил, что сегодня умрет и обнял солому, как живое тело.

Он снова уснул.

Никита утром еле нашел его и сначала решил, что Дванов мертв, потому что он спал с неподвижной сплошной улыбкой. Но это казалось оттого, что неулыбающиеся глаза Дванова были закрыты. Никита смутно знал, что у живого лицо полностью не смеется: что-нибудь в нем всегда остается печальны либо глаза, либо рот.

Андрей ПЛАТОНОВ. Некаýalar